Научная статья

УДК 316.77

doi: 10.17223/1998863X/85/15

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Андрей Михайлович Дружинин

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
www-222@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено явление деструктивных онлайн-коммуникаций, определен ряд их характеристик. Рассмотрены вопросы противодействия этим процессам. Проведен критический анализ вариантов решения данной проблемы. Сформулированы проблемные вопросы, которые, по мнению автора, являются важнейшими в понимании современных процессов в преобразовании социума, постепенно формирующегося общества знаний, развития искусственного интеллекта. Сформулированы выводы о необходимости философской базы и научного кругозора для формирования медиаграмотности граждан.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивная коммуникация, фейк, бот, дипфейк, манипуляция, ответственный искусственный интеллект, цифровая этика

Благодарности: выполнено в рамках проекта по государственному заданию «Исследование ценностно-мировоззренческих оснований российской педагогической антропологии» Министерства просвещения Российской Федерации на 2025 год.

Для цитирования: Дружинин А.М. Деструктивные элементы онлайн-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 177–188. doi: 10.17223/1998863X/85/15

Original article

DESTRUCTIVE ELEMENTS OF ONLINE COMMUNICATION

Andrey M. Druzhinin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, www-222@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of destructive online communications, defines some of their characteristics. The issues of counteracting these processes are considered. A critical analysis of the options for solving this problem is carried out. Problematic issues are formulated, which, in the author's opinion, are the most important in understanding modern processes in the transformation of society, the gradually forming knowledge society, the development of artificial intelligence. The article emphasizes that the category of destructiveness is key to understanding modern processes in online communications. The philosophical understanding of destructiveness has its own history, interdisciplinary status, and is promising from the point of view of understanding many social processes. These processes are considered in the context of informatization and digitalization as dominant trends. The author proposes a qualitative characteristic of the subject of modern digital media – “universal digital communicator”. This characteristic contains an open set of features of such a subject and it is concluded that such “generalists” perceive public communications as a kind of a technical task to influence the audience in their interests. This subject is influenced by the entire set of public professions and rarely adheres to any industry or professional ethical standards. His main task is to extract personal benefit from fame. Such “influencers” appear because of the erosion of ideas about journalistic work and professional industry ethics. The article considers some aspects of

ethical standards in relation to online communications, as well as in the field of development of responsible artificial intelligence, which in the future could become one of the tools of information hygiene, critical understanding of information presented in new media. A number of destructive phenomena in the social and humanitarian sciences also contribute to the strengthening of negative trends in the information space. Conclusions are drawn about the need for a philosophical basis and scientific outlook for the formation of media literacy of citizens.

Keywords: destructiveness, destructive communication, fake, bot, deepfake, manipulation, responsible artificial intelligence, digital ethics

Acknowledgments: The study was carried out as part of the state-commissioned project "Research into the value and worldview foundations of Russian pedagogical anthropology" by the Ministry of Education of the Russian Federation for 2025.

For citation: Druzhinin, A.M. (2025) Destructive elements of online communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 177–188. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/15

Совокупность технологий, подходов, методов распространения информации, а также огромный объем доступных каналов распространения, передачи и потребления циркулирующей информации являются основными характеристиками социальных эффектов, формирующих современное общество знаний. Однако при осмыслении процессов информатизации и цифровизации следует иметь в виду ряд существенных вопросов метауровня, которые позволяют приблизиться к этической оценке этих явлений. Такая оценка связана с вопросом, насколько человек, погруженный в общество знаний и современных онлайн-коммуникаций, стал более информированным? В какой мере общество знаний и медиатехнологии создают предпосылки для чрезмерного пресыщения информацией до такого уровня, что под угрозой находится доступность достоверных и верифицированных научным и экспертным сообществом данных, мнений, гипотез? Каковы намерения субъектов массовых коммуникаций и в какой мере эти намерения учитывают общественные интересы? Масштаб данных вопросов, а также накопленный научный, философский и культурный опыт в отношении сложных, многокомпонентных явлений в сфере онлайн-коммуникаций не позволяет исследовать их в полной мере в объеме данной статьи, однако позволяет судить о чрезвычайной актуальности изучаемой проблемы.

Ряд исследователей рассматривает вопрос деструктивных онлайн-коммуникаций, а также манипуляций общественным мнением в цифровом пространстве социальных сетей и других новых медиа, в том числе и в контексте колониального прошлого стран третьего мира, государств «догоняющего развития», которые на новом технологическом витке все также остаются на периферии в области компетенций в работе с информацией [1, 2].

Деструктивность как качественная характеристика той или иной практики в процессе социального взаимодействия уже довольно хорошо изучена в рамках социально-философской и социально-психологической традиций и соотносится с такими понятиями, как насилие, агрессия, зло, а также манипуляции общественным мнением и различные производные от этого понятия. Фрейдистская традиция объясняет человеческую деструктивность стремлением к смерти в качестве базового бессознательного ин-

стинкта. К. Лоренц изучал социально оформленную агрессию как одну из форм высвобождения накопившейся энергии, поведенческую активность человека.

Эрих Фромм в широко известной книге «Анатомия человеческой деструктивности» на материале поведения нацистских преступников рассмотрел биопсихосоциальную природу человеческой агрессии, возникающую вследствие негативного влияния на человека специфических социальных систем.

Скрытые формы принуждения (побуждения) человека к каким-либо действиям получили совокупное название манипуляции сознанием, обществом, аудиторией. Этот феномен активно изучается как теоретиками, так и исследователями из отраслевых аналитических агентств. В результате накоплен внушительный массив данных. Историко-философский генезис критического подхода к коммуникациям, позволяющего выявить ее негативные аспекты, можно обнаружить еще в диалогах Платона, в которых красноречие рассматривается не как искусство, а как сноровка. А. Шопенгауэр давал подробное описание уловок в споре в работе «Эристика, или Искусство побеждать в спорах».

Впервые феномен манипуляции выявлен на основе изучения военной пропаганды, а также в рамках критического осмысления различных процессов в западном обществе. В философском дискурсе 2-й половины XX – XXI в. проблема манипуляции занимает довольно заметную роль в работах авторов критической направленности. Последовательным критиком данного явления с позиций неомарксизма является Герберт Маркузе, который значительную часть своих работ посвятил раскрытию смысла понятия манипуляции, увязывая его с формированием определенного типа потребительского поведения в буржуазном обществе.

В современном российском исследовательском дискурсе деструктивность как одна из ключевых характеристик ряда негативных явлений становится существенным фактором, определяющим проблемное поле, явным трендом в социальной философии, социологии, политологии, педагогике, психологии [3–5].

Отдельная серьезнейшая проблема в интеллектуальной сфере – это проникновение предвзятого и тенденциозного рассмотрения масштабных историко-социальных явлений в науке, которое, несомненно, деструктивно влияет на образовательные программы и научные исследования, снижает уровень доверия к историческому знанию. Так, например, довольно широко известен историографический феномен «черной легенды», детально исследованный в отношении исторических данных об испанских завоеваниях Центральной и Южной Америки, формирующих искаженное представление о временах колониальной экспансии испанской короны. Современные исследователи находят элементы черной легенды во многих разделах гуманитарной науки, в том числе и в рамках цифровых способов ее репрезентации [6, 7].

Некоторые гендерные исследования в современной социологии актуализировали концепцию гендерного конструирования, которая, по наблюдениям некоторых исследователей, уже вышла за рамки спекулятивных суждений и / или футуристических теорий и оказывает значительное влияние на медиа-

тренды и образ жизни современной молодежи, что, в свою очередь, оказывает деструктивное воздействие на традиционный уклад жизни [8].

Очевидно, что категория деструктивности нуждается в отдельном углубленном рассмотрении как в историческом, так и в актуальном смысловом аспектах, эвристическая ценность данного понятия в исследовательском поле несомненна.

Субъекты и акторы деструктивной онлайн-коммуникации

В настоящее время основным субъектом онлайн-взаимодействия становится универсальный цифровой коммуникатор – новое действующее лицо, совмещающее в себе социальные роли многих смежных профессий. Его выживание в современных медиа становится больше похоже на конкуренцию за влияние на публику. Информационная или просветительская функции медиа все чаще уходят на периферию, так как не способны сформировать устойчивый во времени сегмент целевой аудитории. Цифровой коммуникатор – это прежде всего так называемый инфлюенсер. Такой вид деятельности появился после того, как лидеры общественного мнения (ЛОМ) стали извлекать финансовую прибыль не от основного вида деятельности. Они монетизируют завоеванную тем или иным способом известность в медиaprостранстве. При этом их профессионализм в работе с информацией далеко не всегда является их конкурентным преимуществом, ключевой профессиональной компетенцией. Ослабевшие требования к медиакомпетентности, мерцающие представления об этике работы с информацией создали условия для увеличения объема деструктивных коммуникаций (фейков, провокаций, сомнительного контента тенденциозного содержания).

«Универсальный коммуникатор» работает в условиях новой информационной среды, в которой достоверным фактам и логическим доказательствам постоянно приходится соперничать с эмоциональными реакциями и настроениями общественности. В такой среде граница между фактами и субъективными ощущениями размыта и только этические стандарты медиаперсоны определяют допустимость того или иного публичного высказывания.

Параллельно возникают и начинают активно действовать неживые акторы в производстве медиаконтента (боты). Первоначально боты начали использоваться в качестве дополнительного инструмента вовлечения пользователей интернета в политические коммуникации, однако очень быстро политтехнологи осознали перспективы злонамеренного и манипулятивного использования данных способов управления сетевыми сообществами. В результате масштабного использования ботов в политическом процессе кардинально изменились различные разновидности плебисцита.

Уже в 2016 г., по оценке ряда исследователей, на результаты референдума в Великобритании и выборы в США повлияли пропагандистские кампании, проводившиеся в социальных сетях и некоторых мессенджерах. Было подсчитано, что около 30% сообщений по поводу референдума и не менее 25% относительно выборов были сформированы искусственным интеллектом или ботами [9, 10]. Растут и количественные характеристики киберпреступности [11], что также снижает уровень доверия к сетевым коммуникациям.

Формы деструктивной онлайн-коммуникации

Формы деструктивной онлайн-коммуникации развивались параллельно самым новым медиа. Одна из идей социальных медиа – получение альтернативной информации, базирующейся на кризисе доверия к традиционным СМИ, аудитория которых неизменно снижалась последние годы. Фейки, направленные на эксплуатацию идей, усиливающих социокультурные различия, способны стать дополнительным фактором, ведущим к резкой поляризации общества, увеличению конфликтности как отдельных индивидов, так и групп, страт, сообществ.

Цифровые коммуникации причастны к формированию так называемой эхо-камеры или информационного пузыря: в настоящее время одного из ключевых инструментов манипулирования пользователями социальных сетей. Пользователю, попавшему в рамки информационного пузыря, предлагается информация, которая только укрепляет его собственную точку зрения. Алгоритмы соцсетей отбирают информацию для показа пользователю, в результате он попадает в изолированное информационное пространство, где исключено появление альтернативных точек зрения. Исчезает возможность конкуренции идей и смыслов.

Коммуникация внутри пузыря фильтров происходит исключительно среди единомышленников, исчезает вариативность в оценке тех или иных политических, социально-экономических явлений. В таких сообществах нет места поиску компромисса, любой ее элемент при нарушении четко определенного смыслового поля становится лишним, подвергается психологическому давлению, хейту, изгнанию и прочим деструктивным действиям.

Важно понимать, что преодоление информационных пузырей связано с дополнительными временными и интеллектуальными издержками. Правовая база в этом направлении значительно отстает от технологий, и данная проблема еще далека от своего решения. В перспективе реализация междисциплинарного подхода, по всей видимости, могла бы предложить экспертному сообществу алгоритмы преодоления информационных пузырей. Центром такого подхода, помимо осознания проблемы у максимально широкой аудитории, должна быть потребность в отказе от однонаправленной авторитарной модели коммуникации.

Одна из распространенных стратегий продвижения деструктивного контента получила название кликбейт, который представляет собой особые языковые формулы-ловушки, предназначенные для увеличения трафика на свои страницы. В результате в медиaprостранстве возникают две параллельные повестки дня. Одна продуцируется медиаресурсами, которые по большей части придерживаются традиционных стандартов в подаче информации и коммерциализированного сегмента, ориентированного на эксплуатацию обывательского любопытства. Результат масштабных злоупотреблений кликбейтом – это снижение доверия к онлайн-изданиям и, как следствие, саморазрушение коммуникативного пространства, чьи внутренние процессы деструктивно влияют и на саму индустрию медиа, инвестиционную привлекательность медиапроизводства и медиабизнеса.

Дипфейки по сути своей являются сфальсифицированными изображениями узнаваемых лидеров общественного мнения, которые цифровым спосо-

бом доносят до аудитории смыслы и высказывания, которые данный субъект коммуникации не произносил. Технологии создания подобных цифровых артефактов были заимствованы из кинематографа и все чаще используются в ведении пропаганды посредством новых медиа. На сегодняшний день еще не создано технологий, позволяющих оперативно и убедительно распознавать поддельные изображения или звукозаписи. В свою очередь, исследователи также констатируют неготовность правовых систем различных стран к противодействию дипфейкам [12–15].

Следует отметить, что представления о манипулятивных коммуникациях, злонамеренных использованиях ботов в социальных сетях, алгоритмов искусственного интеллекта постепенно становятся достоянием широкой общественности. Опросы показывают, что пользователей социальных сетей беспокоит, что новые медиа облегчают манипулирование людьми (89% британцев, 85% американцев и японцев, 82% французов, 78% немцев и корейцев, 60% поляков, 51% малайзийцев). Согласно проведенным количественным исследованиям, в среднем 84% респондентов из 19 опрошенных стран считают, что доступ к интернету и социальным сетям облегчил манипулирование людьми с помощью ложной информации и слухов. Эти данные подтверждаются и другими опросами, которые демонстрируют, что в среднем 70% жителей из 19 стран считают распространение ложной информации в интернете серьезной угрозой, уступающей только изменению климата в списке глобальных угроз. Кроме того, в среднем 65% считают, что социальные сети повлияли на политическую поляризацию, сделали политические коммуникации менее цивилизованными, по мнению четырех из десяти респондентов [16].

Цифровая пропаганда, использование ботов, фейков в социальных сетях на сегодняшний день стали широко распространенными инструментами влияния на общественное мнение. Решить эту проблему становится все труднее, поскольку не хватает актуальных данных о современных методах манипулирования. В свою очередь, правовая база и государственные, а также отраслевые институты регулирования цифровых коммуникаций неизбежно отстают от новых угроз и рисков. Отчасти это связано с отсутствием точных знаний и инструментов их получения в отношении различных процессов в интернет-коммуникациях. Например, практикующие специалисты задают вопрос, в каких случаях распространение чат-ботов может оказывать негативное влияние на общественность, а в каких работа таких алгоритмов может быть признана лишь способом достижения практических задач.

Нередко в таких случаях призывают на помощь совокупность знаний и систему представлений, накопленных в рамках развития критического мышления. Но здесь нужно понимать, что критическое мышление ориентировано на практику и поиск решения трудного вопроса. И в этом смысле оно не равно аналитическому процессу по выявлению деструктивных элементов коммуникации будь то постправда или фейкньюс, хотя и включает в себя весь комплекс работы с информацией, перепроверки аргументации, выявление скрытых ошибок в рассуждении или злонамеренных уловок.

Экспертная работа с применением критического мышления наиболее эффективна, когда она сопряжена с общественными инициативами по искоренению деструктивных элементов в коммуникативной деятельности медиасубъектов. Здесь следует подчеркнуть важность этических кодексов как спо-

собов трансляции норм в различных коммуникативных профессиях: журналистике, связях с общественностью, SMM- продвижении [17].

Автоматизированные средства выявления признаков онлайн-манипуляций, по всей видимости, весьма актуальная задача для современной IT-индустрии. Такие инструменты проверки цифрового контента в настоящее время разрабатываются некоторыми лабораториями, которые опираются на различные приемы работы с качеством данных (Data Quality, DQ) и управления мастер-данными (Master Data Management, MDM), но очевидно и то, что данные технологии еще весьма далеки от широкого распространения в пользовательской среде, не входят в число привычных, рутинных действий в работе с информацией, интернет-коммуникацией, с соцсетями и традиционными СМИ.

Этико-правовые аспекты деструктивной онлайн-коммуникации

Сегодня неживые акторы в сетевых коммуникациях становятся объектом рассмотрения «плоских онтологий», в сфере интересов которых особенности виртуальной среды рассматриваются сами по себе, предметы и цифровые артефакты ставятся в один ряд с человеком, что дает основание для разрушения антропоцентрического подхода к цифровым коммуникациям в том числе. Изучается интернет вещей, значимым социотехническим актором становится любой продукт искусственного интеллекта, в том числе бот или дипфейк. В данных условиях этика и этические стандарты в работе IT-индустрии должны стать динамичной областью прикладных исследований, в которых философская позиция и критический анализ сложившихся практик являются основой для формулировки целей и задач ожидаемого цифрового продукта.

Л. Флориди предлагает дифференцировать мягкую и жесткую этику в отношении цифровых продуктов и коммуникаций. Жесткая этика обусловлена законами, кодексами и стандартами [18]. Мягкая этика направлена на понимание и принятие того, что морально приемлемо или неприемлемо помимо существующего регулирования. Мягкая этика отвечает на вопрос, каков следующий шаг, если мы строго придерживаемся норм этики жесткой – в том, как применяем существующие нормы во всем многообразии жизненных ситуаций. По всей видимости, мягкая этика применима и возможна только в тех сообществах, где сильна роль саморегуляции, субъекты придерживаются строгой «цифровой гигиены». Одновременно нормы мягкой этики в цифровой индустрии могут быть кодифицированы в своды и правила, характерные для этики жесткой, как в случае с попытками упорядочить моральную ответственность разработчиков искусственного интеллекта, предпринимающих попытки ввести дополнительные профессиональные кодексы рекомендациями по недискриминации, уважению к свободе воли человека, контролю само-совершенствования ИИ [19].

Сегодня научным и экспертным сообществом ставится вопрос об ответственном искусственном интеллекте (ОИИ), при котором технология и ее возможное развитие становятся направлением, напрямую зависящим от морально-этических норм. В основе выводов такого контролируемого ИИ должна лежать ответственность за полученные результаты, прозрачность, объяснимость [20, 21].

Тем временем у различных агентов цифровой коммуникации и социальной коммуникации нередко можно наблюдать признаки уклонения от морально-нравственной оценки своей публичной и межличностной активности. Специалисты по этике хорошо знакомы с практикой применения двойных стандартов в моральных оценках, которую также следует признать практикой деструктивной. Применяя различные подходы в экспертной оценке действий субъектов цифровой коммуникации, нередко публичные политики и экспертные сообщества демонстрируют двойные стандарты в интерпретации схожих по своей природе коммуникативных явлений. Такое поведение лидеров общественного мнения приближает их сообщения к формам деструктивной коммуникации. Как правило, риск двойных стандартов основан на предвзятости, несправедливости или корыстных интересах. Кроме этого, сейчас можно говорить о новом явлении – навязанной идентичности, которая является одним из условий возникновения и распространения различных современных черных легенд в отношении как отдельных личностей, так и больших социумов [22].

Уклонение от этики, как и отказ от нее, имеет свои исторические корни и часто следует геополитическим схемам. Актеры с большей вероятностью будут применять всевозможные способы неэтичной коммуникации в социуме, со значительной долей неблагополучных групп населения, слабых институтов гражданского общества, правовой неопределенностью различных пограничных явлений в социальном взаимодействии, при коррумпированных режимах, в условиях несправедливого распределения власти и прочих экономических, юридических, политических или социальных проблемах.

Данное явление затрагивает, прежде всего, страны с низким уровнем дохода. Деструктивную роль играет колониальное прошлое, подчиненное экономическое и геополитическое положение. Однако в цифровом контексте злоупотребления двойными стандартами могут затронуть сегменты общества и стран так называемого Глобального Севера, в которых уже сложилась практика отмены целых культурных пластов, а также «запретных» тем и идей.

Стратегия против уклонения от этики состоит в том, чтобы разобраться с его источником – отсутствием четкого распределения ответственности. Это происходит более вероятно и легко в контексте, где собственная ответственность может восприниматься как меньшая, поскольку она удалена, уменьшена, делегирована или распределена. Следовательно, уклонение от соблюдения этических норм сопутствует уклонению от ответственности. Именно этот генезис делает его частным случаем этической проблемы двойных стандартов.

Заключение

Контроль и ограничение активности нечеловеческих субъектов онлайн-коммуникации (ботов), по всей видимости, должны стать одной из новелл в законах, регулирующих СМИ и рекламу. Выявление подобных элементов медиапространства – перспективная задача исполнительных органов власти. Особенно важно учитывать влияние ботов на электоральные процессы, так как в период предвыборных кампаний обостряется межпартийная и идеологическая борьба как внутри национальных государств, так и за их пределами. Стратегии по законодательному выявлению и ограничению манипулятивных коммуникаций, по всей видимости, должны включать и технологии определения их заказчика. Данная задача напрямую связана с повышением прозрач-

ности в работе онлайн-коммуникационных платформ (социальных сетей, игр, мессенджеров).

С одной стороны, существует запрос общества на формирование универсальных правил, направленных на ограничение социальных сетей в распространении дезинформации. Цифровые инструменты способны решить часть проблем. Однако «битва брони и снаряда» в онлайн-коммуникациях порой лишь повышает градус противостояния между группами давления.

В силу многих обстоятельств законодательство, ограничивающее сетевую индустрию в применении различных манипулятивных приемов управления аудиторией, вряд ли можно назвать единственно верной стратегией в процессе противодействия деструктивному контенту.

Следует признать тот факт, что политические коммуникации любого уровня и масштаба требуют все больше ресурсов для выявления и нейтрализации деструктивных компонентов, начиная от совершенствования процедур участия в них акторов, заканчивая системой подготовки граждан к критическому восприятию политизированного контента. Эффективное противодействие деструктивным онлайн-коммуникациям в немалой степени зависит от уровня, глубины и распространенности медиаграмотности в максимально широких слоях населения.

Медиаграмотность, разумеется, – это некая совокупность специальных знаний, навыков и умений. Однако следует помнить, что широкий научный кругозор и распространение идеи информационной гигиены, т.е. осмысленного ограничения в медиапотреблении, в немалой степени способствуют снижению деструктивного воздействия онлайн-коммуникаций на максимально широкую аудиторию.

Помимо инструментальных и технологических знаний медиаграмотность должна включать знакомство с ключевыми философскими теориями в отношении социальных коммуникаций. Варианты ответа на вопрос, с чем мы имеем дело, каковы основные характеристики медиакоммуникаций, способствуют выработке необходимых для общества альтернатив, новых картин мира, направленных на гармонизацию между различными стратами, институтами, преодоление конфликтов и противоречий как индивидуальных, так и коллективных субъектов.

Список источников

1. *Yanovskaya O., Yanovskaya O.* Digital inequality of Russian regions // Sustainable Development and Engineering Economics. 2022. No. 1(3). P. 77–98. doi: 10.48554/SDEE.2022.1.5
2. *Robinson L. et al.* Digital inequalities and why they matter // Information, communication & society. 2015. T. 18, № 5. С. 569–582.
3. *Дьякова А.А.* Деструктивность педагогического дискурса как актуальный контент в блогах учителей // Современный дискурс-анализ. 2023. № 2 (33). С. 17–27. EDN JBQAIL.
4. *Евграфова О.Г., Зиганишина Н.Л., Хаснутдинова С.В.* Реализация категории деструктивности в американском политическом дискурсе // Глобальный научный потенциал. 2024. № 8 (161). С. 220–224.
5. *Филатова А.Ф., Костромина С.Н.* Целостность и интеграция личности в процессе переживания собственной деструктивности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 411–428. doi: 10.17072/2078-7898/2024-3-411-428
6. *Калинина Е.Ю.* «Черная легенда» об Испании: политическая мифология и образы идентичности // Нации и этничность в гуманитарных науках : Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация, Санкт-Петербург, 24–26 февраля 2015 года / под ред. А.Х. Даудова, С.Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 374–381.

7. Юрчик Е.Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. № 8. С. 17–18.
8. Тягин И.Н. Концепция гендерного конструирования: этико-гносеологический анализ // Философия и общество. 2020. № 1 (94). С. 96–115.
9. Рыжова К.И. Роль основных социальных медиаплатформ в президентских выборах в США в 2016 г. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9, № 4 (49). С. 495–499.
10. Ключевский Д.С. Особенности использования социальных сетей в президентских кампаниях 2016 и 2020 гг. в США: сравнительный анализ // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 3. С. 172–180. doi: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-172-180
11. Тирранен В.А. Преступления с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. № 3 (17). С. 10–13. doi: 10.32324/2412-8945-2019-3-10-13
12. Луккина Ю.В. Использование дипфейков в общественно-политической жизни // Русская политология. 2023. № 2 (27). С. 41–48.
13. Бычков М.В. Злонамеренное использование дипфейков: предпосылки, последствия, противодействие // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13, № 3 (56). С. 634–647. doi: 10.35775/PSI.2024.56.3.018
14. Masood M. et al. Deepfakes generation and detection: State-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward // Applied intelligence. 2023. Vol. 53, № 4. P. 3974–4026.
15. Mustak M. et al. Deepfakes: Deceptions, mitigations, and opportunities // Journal of Business Research. 2023. Vol. 154. P. 113–368.
16. Social Media Seen as Mostly Good for Democracy Across Many Nations, But U.S. is a Major Outlier <https://www.pewresearch.org/global/2022/12/06/social-media-seen-as-mostly-good-for-democracy-across-many-nations-but-u-s-is-a-major-outlier/> (accessed: 15.01.2025).
17. Новодержкин А. Крупнейшие российские IT-компании и СМИ подписали в ТАСС меморандум о борьбе с фейками. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=llozddibse383750692> (дата обращения: 15.01.2025).
18. Floridi L. Soft Ethics and the Governance of the Digital. *Philos. Technol.* 31, 1 8 (2018). doi: 10.1007/s13347-018-0303-9
19. Самсонов Д. Все страхи мира: чего боятся создатели Кодекса этики искусственного интеллекта. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/444503-vse-strahi-mira-cego-boatsa-sozdatelikiodeksa-etiki-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 15.01.2025).
20. Овчинникова О.П., Лебедева Д.В., Парм О.Я. Ответственный искусственный интеллект в управлении современной компанией // Инновации в менеджменте. 2024. № 1 (39). С. 26–31.
21. Германов Н.С. Концепция ответственного искусственного интеллекта – будущее искусственного интеллекта в медицине // Digital Diagnostics. 2023. Т. 4, № S1. С. 27–29. doi: 10.17816/DD430334
22. Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Принуждение к идентичности. Как это возможно? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 3 (45). С. 39–48.

References

1. Yanovskaya, O., Kulagina, N. & Logacheva, N. (2022) Digital inequality of Russian regions. *Sustainable Development and Engineering Economics*. 1(3). pp. 77–98. DOI: 10.48554/SDEE.2022.1.5
2. Robinson, L. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*. 18(5). pp. 569–582.
3. Dyakova, A.A. (2023) Destrktivnost' pedagogicheskogo diskursa kak aktual'nyy kontent v blogakh uchiteley [Destructiveness of pedagogical discourse as relevant content in teachers' blogs]. *Sovremennyy diskurs-analiz*. 2(33). pp. 17–27.
4. Evgrafova, O.G., Ziganshina, N.L. & Khasnutdinova, S.V. (2024) Realizatsiya kategorii destruktivnosti v amerikanskom politicheskom diskurse [The Realization of the Category of Destructiveness in American Political Discourse]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 8(161). pp. 220–224.
5. Filatova, A.F. & Kostromina, S.N. (2024) Tselostnost' i integratsiya lichnosti v protsesse perezhivaniya sobstvennoy destruktivnosti [Integrity and integration of personality in the process of experiencing one's own destructiveness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 3. pp. 411–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-3-411-428
6. Kalinina, E.Yu. (2016) “Chernaya legenda” ob Ispanii: politicheskaya mifologiya i obrazy identichnosti [The “Black Legend” of Spain: Political Mythology and Images of Identity]. In: Daudov, A.Kh. & Fedorov, S.E. (eds) *Natsii i etnichnost' v gumanitarnykh naukakh: Etnicheskie, protonatsional'nye*

i natsional'nye narrativy: formirovanie i reprezentatsiya [Nations and Ethnicity in the Humanities: Ethnic, Proto-National and National Narratives: Formation and Representation]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 374–381.

7. Yurchik, E.E. (2011) “Chernaya legenda” v ispanskoj prosvetitel'skoj literature [“The Black Legend” in Spanish Enlightenment Literature]. *Istorija*. 8. pp. 17–18

8. Tyapin, I.N. (2020) Kontseptsiya gendernogo konstruirovaniya: etiko-gnoseologicheskij analiz [The concept of gender construction: Ethical and epistemological analysis]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1(94). pp. 96–115.

9. Ryzhova, K.I. (2019) Rol' osnovnykh sotsial'nykh media-platfom v prezidentskikh vyborakh v SSHA v 2016 g. [The Role of Major Social Media Platforms in the 2016 US Presidential Election]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 9-4(49). pp. 495–499.

10. Klyuchevskiy, D.S. (2021) Osobennosti ispol'zovaniya sotsial'nykh setey v prezidentskikh kam-paniyakh 2016 i 2020 g. v SSHA: sravnitel'nyy analiz [The use of social networks in the 2016 and 2020 presidential campaigns in the USA: A comparative analysis]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 5(3). pp. 172–180. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-172-180

11. Tirranen, V.A. (2019) Prestupleniya s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Crimes using artificial intelligence]. *Razvitie territoriy*. 3(17). pp. 10–13. DOI: 10.32324/2412-8945-2019-3-10-13

12. Lukina, Yu.V. (2023) Ispol'zovanie dipfeykov v obshchestvenno-politicheskoy zhizni [The use of deepfakes in socio-political life]. *Russkaya politologiya*. 2(27). pp. 41–48.

13. Bychkov, M.V. (2024) Zlonamerennoe ispol'zovanie dipfeykov: predposylki, posledstviya, protivodeystviye [Malicious Use of Deepfakes: Background, Consequences, and Counteraction]. *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*. 13-3(56). pp. 634–647. DOI: 10.35775/PSI.2024.56.3.018

14. Masood, M. et al. (2023) Deepfakes generation and detection: State-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward. *Applied Intelligence*. 53(4). pp. 3974–4026.

15. Mustak, M. et al. (2023) Deepfakes: Deceptions, mitigations, and opportunities. *Journal of Business Research*. 154. pp. 113368.

16. Wike, R. (2022) *Social Media Seen as Mostly Good for Democracy Across Many Nations, But U.S. is a Major Outlier*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/global/2022/12/06/social-media-seen-as-mostly-good-for-democracy-across-many-nations-but-u-s-is-a-major-outlier/>

17. Novoderezhkin, A. (2021) *Krupneyshie rossiyskie IT-kompanii i SMI podpisali v TASS memorandum o bor'be s feykami* [Russia's Largest IT Companies and Media Sign Memorandum on Combating Fakes at TASS]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=llozddibse383750692>

18. Floridi, L. (2018) Soft Ethics and the Governance of the Digital. *Philos. Technol.* 31. pp. 1–8 DOI: 10.1007/s13347-018-0303-9

19. Samsonov, D. (2021) *Vse strakhi mira: chego boyatsya sozdateli Kodeksa etiki iskusstvennogo intellekta* [All the fears of the world: What the creators of the AI Code of Ethics are afraid of]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/tehnologii/444503-vse-strahi-mira-cego-boatsa-sozdateli-kodeksa-etiki-iskusstvennogo-intellekta>

20. Ovchinnikova, O.P., Lebedeva, D.V. & Parm, O.Ya. (2024) Otvetstvennyy iskusstvennyy intellekt v upravlenii sovremennoy kompaniyey [Responsible Artificial Intelligence in Modern Company Management]. *Innovatsii v menedzhmente*. 1(39). pp. 26–31.

21. Germanov, N.S. (2023) Kontseptsiya otvetstvennogo iskusstvennogo intellekta – budushchee iskusstvennogo intellekta v meditsine [The Concept of Responsible Artificial Intelligence – The Future of Artificial Intelligence in Medicine]. *Digital Diagnostics*. 4(S1). pp. 27–29. DOI: 10.17816/DD430334

22. Sorina, G.V. (2022) Prinuzhdenie k identichnosti. Kak eto vozmozhno? [Coercion to identity. How is it possible?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 3(45). pp. 39–48.

Сведения об авторе:

Дружинин А.М. – кандидат философских наук, специалист ВНИЦ «Философия образования» Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Druzhinin A.M. – Cand. Sci. (Philosophy), specialist of the Center “Philosophy of Education”, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*